

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 77
(1982)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Я. Пляйса «Общее и специфическое в поведении сверхдержавы № 1», опубликованная в «Независимой газете», № 83 от 22 апреля 2021 г.

Вологда
апрель 2021

Общее и специфическое в поведении сверхдержавы № 1

О грядущей биполярности с китайской спецификой

Существуют не только закономерности трансформации международных отношений, но и закономерности поведения глобальных сверхдержав, демонстрирующие, что, несмотря на любые заявления и обещания, сверхдержава № 1 вынуждена вести себя определенным образом, стремясь сохранить этот статус. То же самое можно сказать о той сверхдержаве, которая стремится стать мировым лидером и всячески борется за это. Попытаемся выделить закономерности поведения сверхдержавы № 1.

Закономерности

Первая закономерность: гегемону надо не только обладать необходимой совокупной мощностью, достаточной для постоянной реализации своей роли, но и регулярно поддерживать эту мощь в адекватном состоянии. Чтобы иметь такую мощь, ее надо создать. Чтобы совокупную мощь постоянно поддерживать в рабочем состоянии, сверхдержава всегда должна быть на гребне научно-технического и социального прогресса. Если же она начинает отставать от авангарда, как это было с СССР в последнее десятилетие его существования, неизбежно наступает системный кризис. Неспособность или нежелание его преодоления, в том числе по причине догматизма мышления и подходов к решению накопившихся проблем внутреннего развития, неминуемо приводит сверхдержаву к коллапсу, чему конкуренты всячески способствуют. Поэтому сверхдержаве надо быть всегда начеку.

Дело, однако, не только в обладании совокупной мощностью, но и в постоянной демонстрации своей мощи миру с целью доказательства того, что сверхдержава № 1 по праву занимает в нем место лидера и в этом качестве имеет полное право указывать ему, как себя надо вести. Если же кто-то не подчиняется требованиям (читай: диктату гегемона), он должен знать, что санкции непрерывно последуют. В этом состоит вторая закономерность поведения глобального гегемона.

Третья закономерность: для сохранения и приращения своей мощи гегемон вынужден постоянно искать новые источники ресурсов. С этой целью он не только обязан развивать собственные источники, но и заботиться о поиске новых, в том числе на стороне, не гнушаясь подчас никакими средствами и методами, потому что ресурсов много не бывает.

Четвертая закономерность: необходимо окружить себя верными союзниками, фактически сателлитами-последователями, из которых формируется содружество (союз, партнерство). Наряду с ними есть, как правило, еще резерв, который может со временем меняться, становясь либо нейтральным, либо переходящим в другой лагерь. Вместе со своими сателлитами сверхдержава организует собственную систему международных отношений, основанную на тех принципах, которые диктует сверхдержава. Эти принципы охватывают все основные сферы взаимоотношений между членами союза и узакониваются в конкретных договорах, создаваемых по инициативе лидера. Чтобы сателлиты оставались в орбите лидера, ему нередко приходится идти им на уступки или дополнительные траты. То же самое стремится реализовать и сверхдержава-конкурент. В связи с этим можно вспомнить, как и США, и СССР организовали собственные системы международных отношений, складывающихся из подсистем – экономических, военных и пр.: ВТО–СЭВ, НАТО – Варшавский блок и т.д. Даже когда один из претендентов на глобальное лидерство проигрывает и выходит из игры, как это было в начале 1990-х с СССР, и когда наступает период временной однополярности, считать, что международные отношения становятся универсальными, не приходится.

Пятая закономерность: чувствуя наступление заката, гегемон начинает усиленно искать любые возможности сохранения своего статуса. Это самый опасный момент. Гегемон готов на любую авантюру, в том числе военную, чтобы доказать миру, что он еще в силе. Нынешнее поведение США – наглядный пример.

Шестая закономерность: на поддержание глобального престижа в рабочем состоянии гегемон вынужден тратить немалые и разнообразные ресурсы. Эти траты могут осуществляться как непосредственно (в виде финансов), так и опосредованно (создание и поддержание в надлежащем состоянии военных баз на территории своего сателлита или партнера). Такая деятельность, как правило, очень дорого обходится сверхдержаве. А в случае с СССР именно огромные затраты на помощь и поддержку соцстран, а также развивающихся государств стали одной из причин его финансового перенапряжения и коллапса, что закончилось разрушением страны.

Особую роль в перенапряжении СССР сыграл Афганистан. По сообщениям СМИ, кампания в Афганистане стала самой затяжной (20 лет!) войной в истории Соединенных Штатов и обошлась им в 2 трлн долл. Только что объявленная дата вывода всех войск – 11 сентября – едва ли станет завершающей в афганской эпопее.

Отмечая негативную роль затрат сверхдержавы на поддержание своего статуса и роль в мире, следует заметить, что определенные дивиденды она от этого все же получает. Не только с точки зрения обретения разного рода сиюминутных выгод. Даже по прошествии многих лет (это сегодня происходит с Россией, прочно ассоциируемой с Советским Союзом) долгосрочные дивиденды продолжают работать.

Все познается в сравнении, это было сказано давно и верно. Убедившись за постсоветские годы, что помощь Советского Союза была намного более гуманной и эффективной, чем помощь капиталистических стран, государства бывшего третьего мира все настойчивее просят Россию вернуться. Поэтому считать, что политика СССР в отношении этих стран была исключительно затратной и начисто лишенной прагматизма, было бы неверно. Другое дело, что в советской политике было чрезмерно много идеологии и утопизма. Хотя надо заметить, что без идеологии и привлекательной доктрины (пусть даже утопической) сверхдержавы обойтись не могут. Все дело в мере и масштабах.

Рассуждая о закономерностях поведения сверхдержавы № 1 и претендента на эту роль, нельзя забывать о том, что в какой-то момент наступает час X – час решительной схватки между ними за лидерство. Это самый опасный момент для всего мира, потому что никто не хочет оказаться проигравшим и поэтому готов решительно на все. В наши дни это наглядно проявляется на примере соперничества США и Китая, которое все больше становится похожим на вражду.

Китайское соло

Таковыми основные закономерности поведения сверхдержавы № 1 были до сих пор. Но что происходит сейчас, когда все больше обостряется борьба за мировую пальму первенства между США и Китаем? И как борется за первую роль Китай?

На мой взгляд, сегодня это происходит в значительной степени по-новому. В отличие от СССР Китай (пока, во всяком случае) не окружает себя сателлитами, не создает международных организаций

и структур, которые помогали бы ему бороться за роль гегемона. Китай пока что использует в основном торгово-экономические и финансовые методы, эффективную геополитику. Только «Один пояс – один путь» или банк стран БРИКС чего стоят. В последнее время, правда, Китай все настойчивее пропагандирует свою модель развития – социализм с китайской спецификой. Вот вам и новая модель мира, и новая биполярность с китайской спецификой!

Как ведут себя США, стремящиеся остаться гегемоном мира, и как ведет себя Китай, все более претендующий на первую роль?

Медленно и нехотя отступая под натиском Китая, США стремятся мобилизовать не только собственные ресурсы и возможности, но и своих союзников. Это достаточно наглядно и убедительно проявилось во время первой поездки в Европу нового госсекретаря США Энтони Блинкена. На встрече руководителей внешнеполитических ведомств стран НАТО, состоявшейся 27 марта, Блинкен настойчиво призывал своих союзников по этому блоку совместно противостоять растущей экономике и военной мощи КНР. «Необходимо подходить к Китаю с позиций силы вне зависимости от того, являются ли наши отношения с ним враждебными, конкурентными или речь идет о сотрудничестве», – заявил Блинкен телеканалу Си-эн-эн. «Когда мы подходим к вызовам со стороны Китая вместе, мы будем гораздо более эффективны в ответе на них», – добавил он. Под давлением американцев большинство стран ЕС и Британия отказались от использования произведенного в Китае оборудования 5G в критически важных интернет-сетях. На очереди обнуление китайских инвестиций в производство и логическую инфраструктуру ЕС. Однако большой вопрос, удастся ли американцам выкрутить руки европейцам. Думаю, едва ли.

Размышляя о меняющейся роли Китая и оценивая позицию Блинкена, исполняющий обязанности директора Института Дальнего Востока РАН Алексей Маслов отмечает, что в ней «упор сделан не столько на экономическое давление, сколько на создание из Китая «токсичного государства», которое нужно ограничить по всем позициям – политически, экономически и военно-стратегически». Шаг за шагом отбирая у США финансово-экономические и иные рычаги давления на него, Китай активно и планомерно делает собственные: уже создал логистическую инфраструктуру по всему миру, работает над суверенной кибервалютой, создает свои стандарты высоких технологий – все это раньше было

монополией США. «Вернуть себе лидерство, просто отбирая у Китая и других стран то, что они имеют, Вашингтону практически невозможно, – считает Маслов. – Таким образом, Блинкен выходит на старую парадигму стимулирования холодной войны, когда образуются два лагеря и затем начинают развиваться почти независимо друг от друга. Но в современных условиях это осуществить очень сложно, потому что, во-первых, сами по себе мировые экономические связи стали гораздо более развитыми, чем в период холодной войны. А во-вторых, целый ряд государств не хочет втягиваться в это противостояние и готов сотрудничать и с Китаем, и США, и с Россией для того, чтобы получить для себя экономическую выгоду». Маслов уверен, что, несмотря на всевозможные усилия, США не удастся замедлить развитие КНР. Об этом он подробно рассказывает и в своей недавно опубликованной книге «Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы». Кстати говоря, немало полезной информации о нынешнем Китае содержится в обстоятельных статьях Константина Ремчукова, опубликованных в «НГ» от 25.01.21, 12.02.21 и 02.04.21.

Вернусь к подходу Маслова. Соглашаясь в целом, отмечу, что его вывод о сложности в современных условиях осуществить переход к двум лагерям (фактически к новой биполярности), на мой взгляд, недостаточно основателен. Уверен, что такой переход обязательно случится, потому что таков закон трансформации глобальных международных отношений. Другое дело, что с этим законом произойдет в эпоху тотальной глобализации, принципиально отличающейся от всех предыдущих типов глобализации, поскольку в основе нынешней лежит качественно новая промышленная революция. Полагаю, что и в этом случае переход к биполярности будет неизбежен. А вот какая будет эта биполярность, покажут время и практика.

Новая биполярность США–КНР в отличие от антагонистической США–СССР будет менее опасной в связи с тем, что американо-китайские торгово-экономические и многие другие связи и отношения, как и интересы этих стран, многократно интенсивнее и важнее для них, чем это было во времена американо-советского противостояния. Как бы ни был велик геополитический и идеологический антагонизм нынешних конкурентов за глобальное первенство, жизненно важные интересы вынуждают их быть осторожными и сдержанными в своих действиях. Тем не менее антагонизм есть антагонизм. Ненависть к сопернику туманит разум и толкает

дальше в борьбе за лидерство. Поэтому в момент, когда баланс сил будет очевидно склоняться в пользу Китая, полуантагонистическое соперничество вполне может превратиться в уже известное антагонистическое со всеми его особенностями, рисками и опасностями. Хотя до этого еще достаточно далеко, учитывать такую перспективу надо уже сейчас. Нет сомнения в том, что Китай последовательно, шаг за шагом, будет двигаться к своей цели, и по мере того, как это будет все яснее и очевиднее (хотя это ясно и очевидно уже сейчас), напряжение не только в американо-китайских отношениях, но и в мире в целом будет нарастать. И то, что США придется уступить первенство, для меня тоже очевидно.

Понятно, почему они этого не желают, но это будет происходить вопреки их воле и желанию. Поэтому их внешнеполитическая стратегия, как и внутрисполитическая, не соответствуют особенностям времени, состоянию их общества и мира. Не могут выскочить из старой, наезженной колеи. Об этом весьма убедительно написал лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц в своей книге «Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства», изданной в 2020 году. А ведут США себя так, как будто смена мирового лидера никогда не произойдет, потому что они этого не хотят и никогда не допустят. Навязывая миру свое видение развития, свою линию поведения, они тем самым только ускоряют процесс приближения новой биполярности со всеми вытекающими для них последствиями. И ситуация такова, что процесс стал уже необратимым. Его можно было затормозить лет 20 назад, но логика поведения сверхдержавы (разве я могу вести себя ошибочно?) не позволяла им так поступать. Эйфория однополюсного доминирования мешала видеть, что реальность быстро меняется. Забота о балансе сил в мире уже давно должна была привести внешнеполитическую элиту США к выводу, что сдерживание Китая – задача № 1, настоятельно диктующая необходимость создания мощной антикитайской коалиции, состоящей из различных субъектов, а не только из своих приверженцев, которых сейчас Блинкен призывает встать в единый ряд. Повторю, что это надо было сделать лет 15–20 назад. Сейчас поздно.

Превращаясь в глобальную сверхдержаву № 1, Китай будет стремиться распространить на мир свою модель внутренней и внешней политики, наталкиваясь, как это было и в случае с предыдущей биполярностью, на сопротивление своих противников, преж-

де всего действующего гегемона. В отличие от СССР, лидеры которого в самом начале его истории открыто заявляли, что их цель – всемирная Республика Советов, и все делали для того, чтобы это стало явью, Китай действует иначе. Заявляя устами своего лидера Си Цзиньпина, что, «какого бы уровня ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона», он фактически реализует принципиально иную стратегию, которую достаточно убедительно раскрыл Алексей Маслов.

В соответствии с законом поведения сверхдержавы, стремящейся к мировому первенству, Китай, несомненно, будет следовать избранному пути. Одно дело – слова и заявления, а совсем другое дело – реальная деятельность и законы развития. Поэтому трудно не согласиться с профессором Высшей партийной школы при ЦК КПК Синь Мином, который пишет: «Исходя из новой позиции развития, Китай должен взять на себя ответственность принять активное участие в глобальном управлении. Выступая с ценностной концепцией «сообщества единой судьбы», необходимо сформировать более справедливые международные отношения нового типа, основой которых являлось бы сотрудничество и взаимный выигрыш. А также на примере китайского курса продемонстрировать человечеству новую модель развития в его поиске к лучшему общественному строю».

Действительно, Китаю есть что предъявить миру. Его системы жизнеустройства оказались значительно более эффективными, чем советские. Дополнив теорию марксизма-ленинизма китайской спецификой, усвоив опыт строительства социализма в СССР, включая его позитивные и негативные стороны, основательно изучив уроки горбачевской перестройки, китайское руководство извлекло необходимые уроки и сформулировало для себя выводы, значительно меняющие фундаментальные марксистско-ленинские теоретические постулаты. Этих выводов всего три: «Многообразие форм собственности как база для многоукладной экономики; многообразие в распределении благ при ведущей роли распределения по труду; развитие рыночных механизмов в сочетании с активным государственным макрорегулированием. Политическая надстройка будет еще длительное время основываться на принципах диктатуры пролетариата и руководящей роли компартии, а также идей марксизма-ленинизма».

Отдавая должное вполне оправданному творческому подходу китайских товарищей, а также положительному опыту апробации их теории на практике, выра-

жившейся прежде всего в китайском чуде экономического и социального развития, надо констатировать, что и в теории, и в практике социализма с китайской спецификой есть одно важное, даже скорее всего фундаментальное противоречие. Оно состоит в том, что экономический базис в Китае существует и развивается в одном – фактически капиталистическом – ключе, а базис – политическая надстройка – в социалистическом. Об антагонизме этих двух начал сказано и написано немало, в связи с чем возникают вопросы: как долго это противоречие может и будет находиться под контролем КПК и наступит ли такой момент, когда базис взбунтуется против надстройки? Если это произойдет, чего нельзя исключать, это будет социальной революцией всемирного масштаба и значения.

Но нельзя исключать также, что китайские товарищи в очередной раз найдут компромиссное решение растущего противоречия и устранят его в той же традиции, в какой они это делали раньше. Но более вероятен, как мне представляется, первый вариант: рост противоречий между базисом и надстройкой, результатом чего станет социальный взрыв. Есть и другое важное обстоятельство, которое также необходимо учитывать, когда мы рассуждаем о претензиях Китая на первую роль в мире. Это обстоятельство – фактор растущей Индии в совокупности с ее давними напряженными отношениями с Китаем, сводящимися не только к территориальным спорам. Полагаю, что США будут активно использовать Индию в борьбе против Китая.

Как же во всей этой ситуации быть России? Это отдельная тема. Сейчас, учитывая наше состояние, нам следует придерживаться стратегии и тактики активного нейтралитета, или, точнее говоря, активной обороны. В сочетании с ролью соединительного моста между Западом и Востоком, а также посредника в региональных и межрегиональных конфликтах, например, в армяно-азербайджанском конфликте или афганском, наша внешняя политика может оставаться эффективной и привлекательной на мировой арене по мере экономического усиления и роль в глобальной политике может меняться и становиться более активной. Хочу выразить надежду, что в разрабатываемой ныне новой концепции внешней политики России новые реалии будут учтены.

Яков Андреевич Пляйс,

профессор-исследователь Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации